

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ

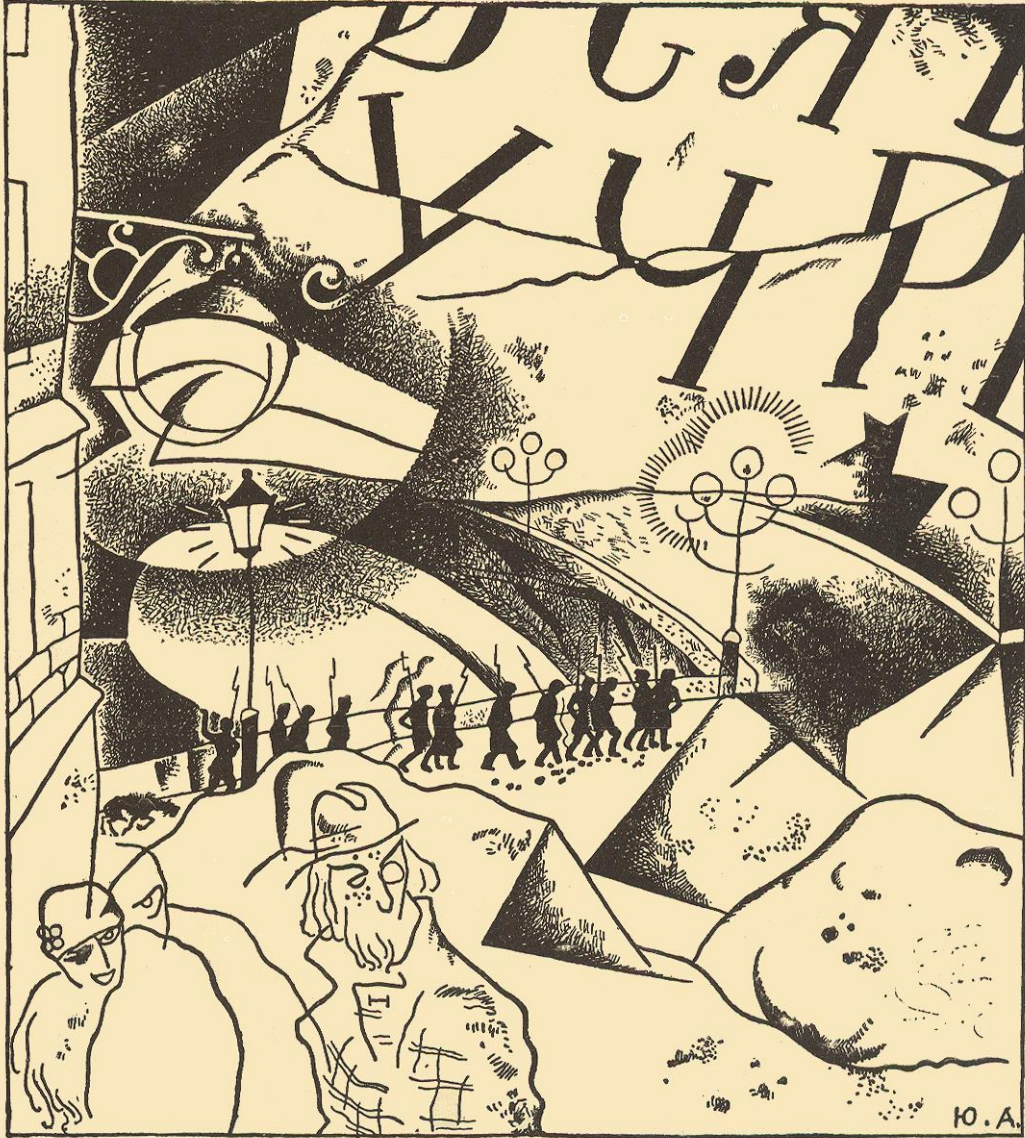
рисушки

Ю. АННЕНКОВА

Translated by

MARIA CARLSON

Александр Блок
ДВЕНАДЦАТЬ
Поэма

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком – ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит – ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате – плакат:
“Вся власть Учредительному Собранию!”
Старушка убивается – плачет,,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий – раздет, разут. . .

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
– Ох, Матушка-Заступница!
– Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? – Длинные волосы
И говорит вполголоса:
– Предатели!
– Погибла Россия!
Должно быть, писатель –
Вития. . .

Aleksandr Blok
TWELVE
A Poema

1

Black night.
White snow.
The wind, the wind!
Impossible to stay on your feet.
The wind, the wind!
Blowing across God's world!

The wind swirls round
The clean, white snow.
Under the snow – there's ice.
It's slick, it's hard,
Pedestrians
Slip – oops! too bad!

From building to building
Stretches a cable.
On the cable's a placard:
“All Power to the Constituent Assembly!”
An old woman keens and weeps beneath it,
She just can't understand what it means,
Why such a huge scrap of cloth
For such a placard?
It would make so many footwraps for the boys,
And so many are without clothes, without shoes . . .

The old woman, hen-like,
Managed somehow to scramble over the snowbank.
“Oh, Holy Mother of God, our Protectress!
“Oh, those Bolsheviks will put me in my grave!”

The wind is biting!
The frost tenacious!
The bourgeois standing at the crossroads
Has tucked his nose into his collar.

And who's this? with long hair
And muttering under his breath:
“Traitors!
“Russia has perished!”
It must be a writer –
An orator . . .

А вон и долгополый -
Сторонкой – за сугроб. . .
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ? . .

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
– Уж мы плакали, плакали. . .
Поскользнулась
И – бац – растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
“Вся власть Учредительному Собранию”. . .
И слова доносит:

. . .И у нас было собрание.
. . .Вот в этом здании.

. . .Обсудили –
Постановили:
На время – десять, на ночь – двадцать пять. . .
. . .И меньше – ни с кого не брать. . .
. . .Пойдем спать. . .

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер. . .

Эй, бедняга!
Подходи –
Поцелуемся. . .

And there's a figure in a cassock -
Sidling behind the snowbank . . .
So, not too happy these days,
Eh, comrade priest?

You remember how once
You walked, belly-first,
And your cross-bedecked belly
Shone on the common people? . .

There's a young lady wrapped in karakul,
Walking with another:
“And we cried and cried. . . “
She slipped on the ice
and – oof! – down she went!

Oh, my!
Give me your hand, pull me up!

The wind is gleeful
And mad and glad.
It twists coat hems,
Mows down passers-by,
Tears at, mangles, and tosses
The large placard:
“All Power to the Constituent Assembly”
The wind carries the words:

. . . And we, too, held an assembly . . .
. . . Here, in this building . . .

. . . We debated –
We resolved:
For an hour, ten rubles; for the whole night,
twenty-five . . .
. . . And don't take less from anyone . . .
. . . Let's go to bed . . .

The evening's late.
The street's deserted.
Only a vagrant
Stoops, round-shouldered,
And the wind whistles . . .

Hey, poor sweetie!
Come on over –
Give us a kiss . . .

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди. . .
Черная злоба, святая злоба. . .

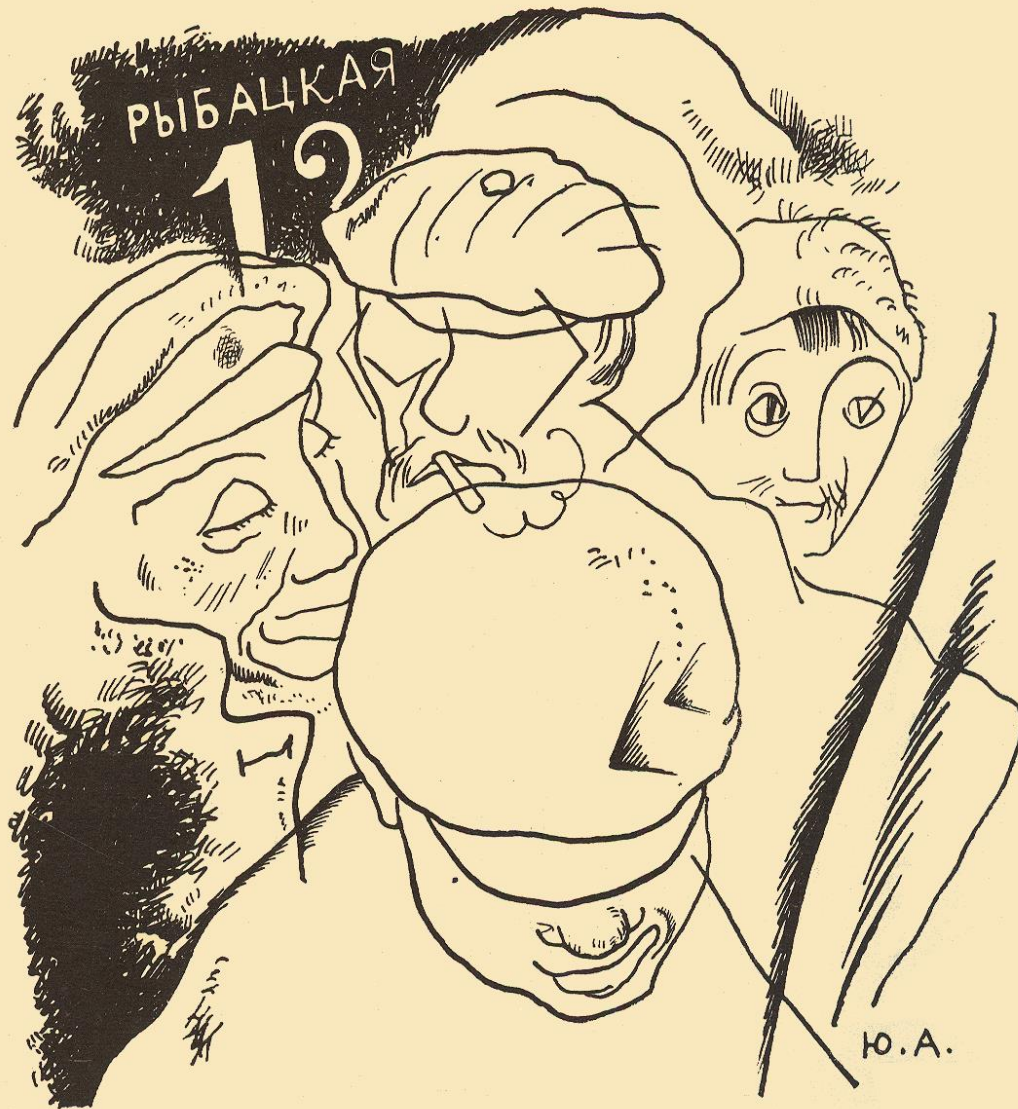
Товарищ! Гляди
В оба!

Bread!
What's ahead?
Move on!

Black, black sky.

Spite, grievous spite,
Boils in the breast . . .
Black spite, holy spite . . .

Comrade! Keep
Both eyes open!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом – огни, огни, огни . . .

В зубах – цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищ, холодно!

– А Ванька с Катькой – в кабаке . . .
– У ей керенки есть в чулке!

– Ванюшка сам теперь богат . . .
– Был Ванька наш, а стал солдат!

– Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята –
Чем, чем занята? . .

Тра-та-та!

Кругом – огни, огни, огни . . .
Оплечь – ружейные ремни . . .

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь –

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

2

The wind, it frolics, the snow flies high.
Twelve men with guns go marching by.

On their rifles dull black straps,
Around them fires, and fires, and fires . . .

A home-rolled cig, a flattened cap,
All that's missing is prison stripes!

Freedom, freedom,
Yeah, yeah, without the cross!

Rat-a-tat!

It's cold, comrade, cold!

“Van'ka and Kat'ka are in a dive . . .”
“Kerensky rubles tucked in her hose”!

“And Vaniushka's pretty rich himself . . .”
“Once just our Van'ka, he's now a soldier!”

“Well, Van'ka, bastard, bourgeois guy,
Why not give my kiss a try!”

Freedom, freedom,
Yeah, yeah, without the cross!
Kat'ka's busy with Van'ka –
But what is she busy doing?

Rat-a-tat!

Around them fires, and fires, and fires . . .
Rifle straps on shoulders hang . . .

Hold to the revolutionary pace!
The tireless enemy never sleeps!

Comrade, hold on to your gun, be brave!
Let's put a bullet into Holy Russia –

Into ancient, sturdy,
wood-hutted,
Fat-assed Russia!

Yeah, yeah, without the cross!

3

Как пошли наши ребята
 В красной гвардии служить –
 В красной гвардии служить –
 Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
 Сладкое житье!
 Рваное пальтишко,
 Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
 Мировой пожар раздуем,
 Мировой пожар в крови –
 Господи, благослови

3

Off our own dear boys have gone
 In the Red Guard for to serve,
 In the Red Guard for to serve,
 To lay down their reckless heads.

Oh, you bitter, bitter grief,
 Oh, you sweet existence!
 I've an overcoat that's torn,
 And an Austrian rifle!

To the grief of all bourgeois
 We'll fan a worldwide conflagration,
 A conflagration drenched in blood –
 Give us Your blessing, O Lord!

4

Снег крутит, лихач кричит,
 Ванька с Катькою летит –
 Электрический фонарик
 На оглобелях. . .
 Ах, ах, пади! . .

Он в шинелишке солдатской
 С физиономией дурацкой
 Крутит, крутит черный ус,
 Да покручивает,
 Да пошучивает. . .

Вот так Ванька – он плечист!
 Вот так Ванька – он речист!
 Катьку-дуру обнимает,
 Заговаривает. . .

Запрокинулась лицом,
 Зубки блещут жемчугом. . .
 Ах ты, Катя, моя Катя,
 Толстоморденькая. . .

4

Snow swirls round, the driver yells,
 Van'ka flies along with Kat'ka –
 Small electric lanterns glow
 On the sled shafts as they go . . .
 Oh, oh, away we go! . .

He's dressed in a soldier's greatcoat,
 His physiog is foolish,
 He twirls, he twirls his black moustache,
 Twisting, twisting,
 Joking, joking . . .

Oh, yes, Van'ka – he's broad-shouldered!
 Oh, yes, Van'ka – he's sweet-talking!
 He embraces silly Kat'ka,
 Talks her head off . . .

And she's looking up at him,
 Her pearly teeth are shining,
 Oh, you Katya, my sweet Katya,
 Fat-faced Katya . . .

Ю. А.

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила –
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила –
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера –
Не ушел он от ножа. . .
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила –
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

5

Katya, on your neck's a scar
From a knife-wound scarcely healed.
Katya, there beneath your breast,
There the scratch is still quite fresh!

Oh, yeah, dance and prance!
What great legs that girl has!

She wore lacy underwear,
Wear it now, yes, wear it now!
With officers she fornicated –
Fornicate, now, fornicate!

Oh, yeah, fornicate!
Feel the heart just skip a beat!

Remember, Katya, that officer –
He did not escape the knife . . .
Left your memory already?
Is your memory stale, you broad?

Well, then, freshen it,
Take it off to bed with you!

Kat'ka always wore gray gaiters,
Devoured *chocolat* "Mignon,"
Used to date the young cadets,
But now with soldiers off she's gone?

Oh, yeah, let's sin!
Sin is easy on the soul!

6

... Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач. . .

Стой, стой! Андрияха, помогай!
Петруха, сзади забегай! . .

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах! . .

Лихач – и с Ванькой – наутек. . .
Еще разок! Взводи курок! . .

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
.
Как с девочкой чужой гулять! . .

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? – Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? – Ни гу-гу. . .
Лежи ты, падаль, на снегу! . .

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

6

... Again they ride on at full gallop,
The driver flies and howls and roars . . .

“Halt! Halt! Andriukha, help me here!
Petrukha, run around the rear!” . .

Rat-a-tat, rat-a-tat, tat-tat-tat!
Snowy dust swirled toward the sky.

The driver and Van’ka make a break . . .
“One more time! Now cock your gun!” . .

Rat-a-tat-tat! “You’ll now find out,
.
What it means to take another’s girl.”

“He got away, the scum! Just wait,
Tomorrow I’ll take care of you!”

But where is Kat’ka? “She’s dead, she’s
dead!
She’s been shot right through the head!”

Glad now, Kat’ka? “What, not a peep . . .
Then lie there, carrion, on the snow!” . .

Hold to the revolutionary pace!
The tireless enemy never sleeps!

И опять идут двенадцать,
 За плечами – ружьеца.
 Лишь у бедного убийцы
 Не видать совсем лица. . .

Всё быстрее и быстрее
 Уторапливает шаг.
 Замотал платок на шее –
 Не оправиться никак. . .

– Что, товарищ, ты не весел?
 – Что, дружок, оторопел?
 – Что, Петруха, нос повесил,
 Или Катьку пожалел?

– Ох, товарищи, родные,
 Эту деву я любил. . .
 Ночки черные, хмельные
 С этой девкой проводил. . .

– Из-за удали бедовой
 В огневых ее очах,
 Из-за родинки пунцовой
 Возле правого плеча,
 Загубил я, бестолковый,
 Загубил я сгоряча. . . ах!

– Ишь, стервец, завел шарманку,
 Что ты, Петька, баба, что ль?
 – Верно, душу наизнанку
 Вздумал вывернуть? Изволь!
 – Поддержи свою осанку!
 – Над собой держи контроль!

- Не такое нынче время,
 Чтобы нянчиться с тобой!
 Потяжеле будет бремя
 Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
 Торопливые шаги. . .

Он головку вскидывает,
 Он опять повеселел. . .

Again the twelve are on the march,
 Their rifles on their shoulders hang.
 Only the hapless murderer's face
 Is completely hidden away . . .

Faster, faster, and still faster
 He hurries up the marching pace.
 A scarf he's wound around his neck –
 He can't get over what he did . . .

“Hey there, comrade, why not merry?”
 “Hey, old friend, cat got your tongue?”
 “Hey, Petrukha, feeling low now?
 Sorry for that Kat'ka, eh?”

“Well, I'll tell you, my dear comrades,
 That I really loved that girl . . .
 Many a dark and drunken evening
 I spent making out with her . . .

“All because of the lively boldness
 Of her fiery, hot eyes,
 All because of the crimson birthmark
 On her right shoulder, what a sight,
 Stupidly I've wrecked her life now,
 I destroyed her rashly . . . oh!”

“Good grief, you bastard, stop your whining,
 Are you a girl then, Pet'ka, eh?”
 “What a moment you have picked
 To search your soul. Oh, spare us, please!”
 “Shoulders back, come on, Petrukha!”
 “Get a grip upon yourself!”

“This is really not the best time
 For us to nursemaid you along!
 We'll soon have a heavier burden
 On our shoulders, comrade pal!”

And Petrukha soon relaxes,
 Slows his pace, unhurried now . . .

Tosses back his head, then cheers up,
 His good humor's back again . . .

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

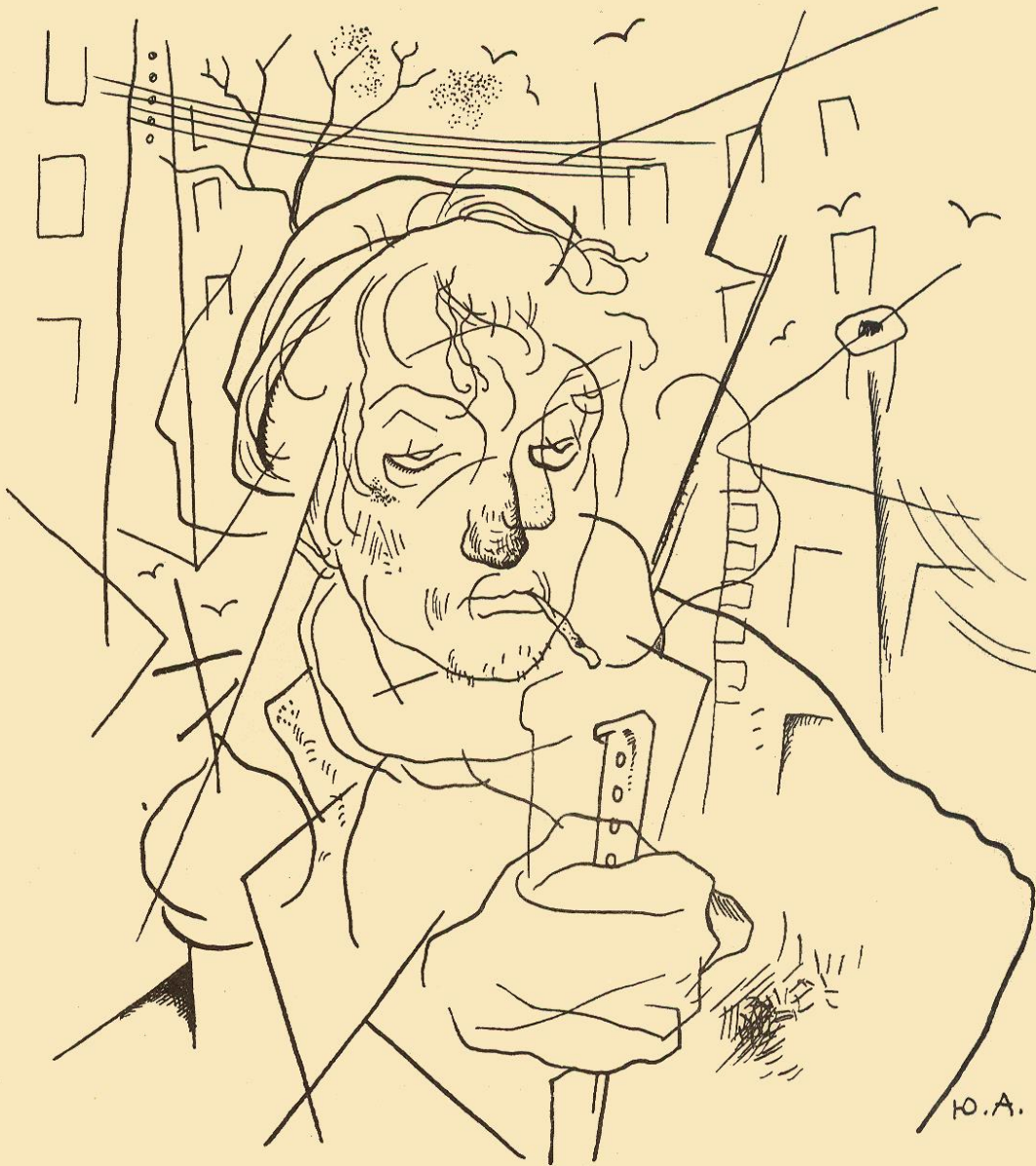
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба –
Гуляет нынче гольтьба!

Hey, hey!
It's no sin to to have some fun!

Lock up the apartments all,
Looting there will be today!

Open up the cellars all –
Today the rabble will have fun!

8

Ох ты, горе-горькое!
 Скука скучная,
 Смертная!

Ужь я времячко
 Проведу, проведу. . .

Ужь я темячко
 Почешу, почешу. . .

Ужь я семячки
 Полущу, полущу. . .

Ужь я ножичком
 Полосну, полосну! . .

Ты лети, буржуй, воробышком!
 Выпью кровушку
 За зазнобушку,
 Чернобровушку. . .

Упокой, господи, душу рабы твоя. . .

Скучно!

8

Oh, you bitter-bitter grief!
 Boredom most boring,
 Deadly!

And a little time
 I will pass, I will pass . . .

And your little head
 I will scratch, I will scratch . . .

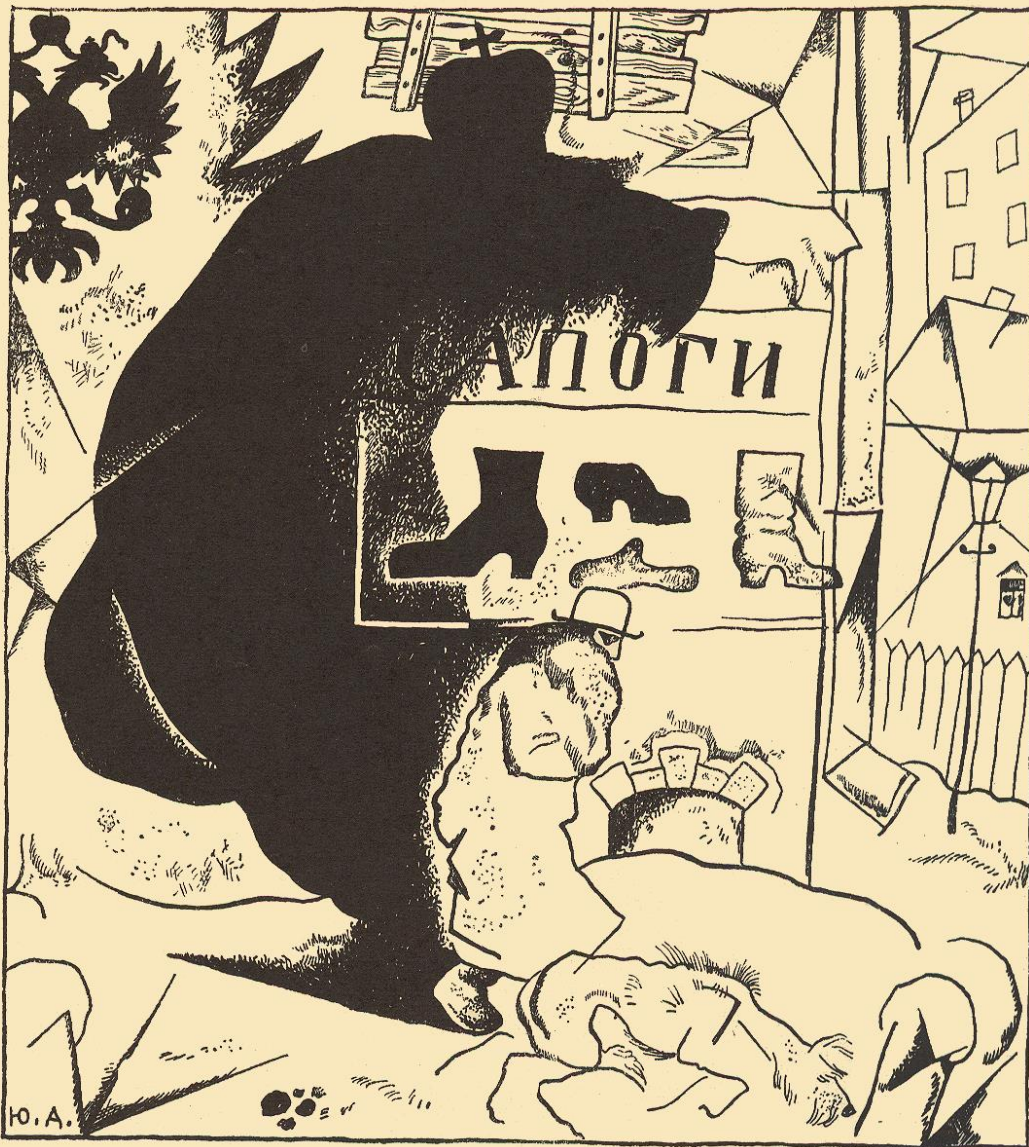
And some little seeds
 I will shuck, I will shuck . . .

With my little knife
 I will slash, I will slash! . .

Fly away, bourgeois, like a sparrow small!
 I will drink your blood
 For my sweetest love,
 My black-browed beauty . . .

Grant rest, O Lord, to the soul of Thy
 handmaiden . . .

What a bore!

Не слышно шуму городского,
 Над невской башней тишина,
 И больше нет городского –
 Гуляй, ребята, без вина!

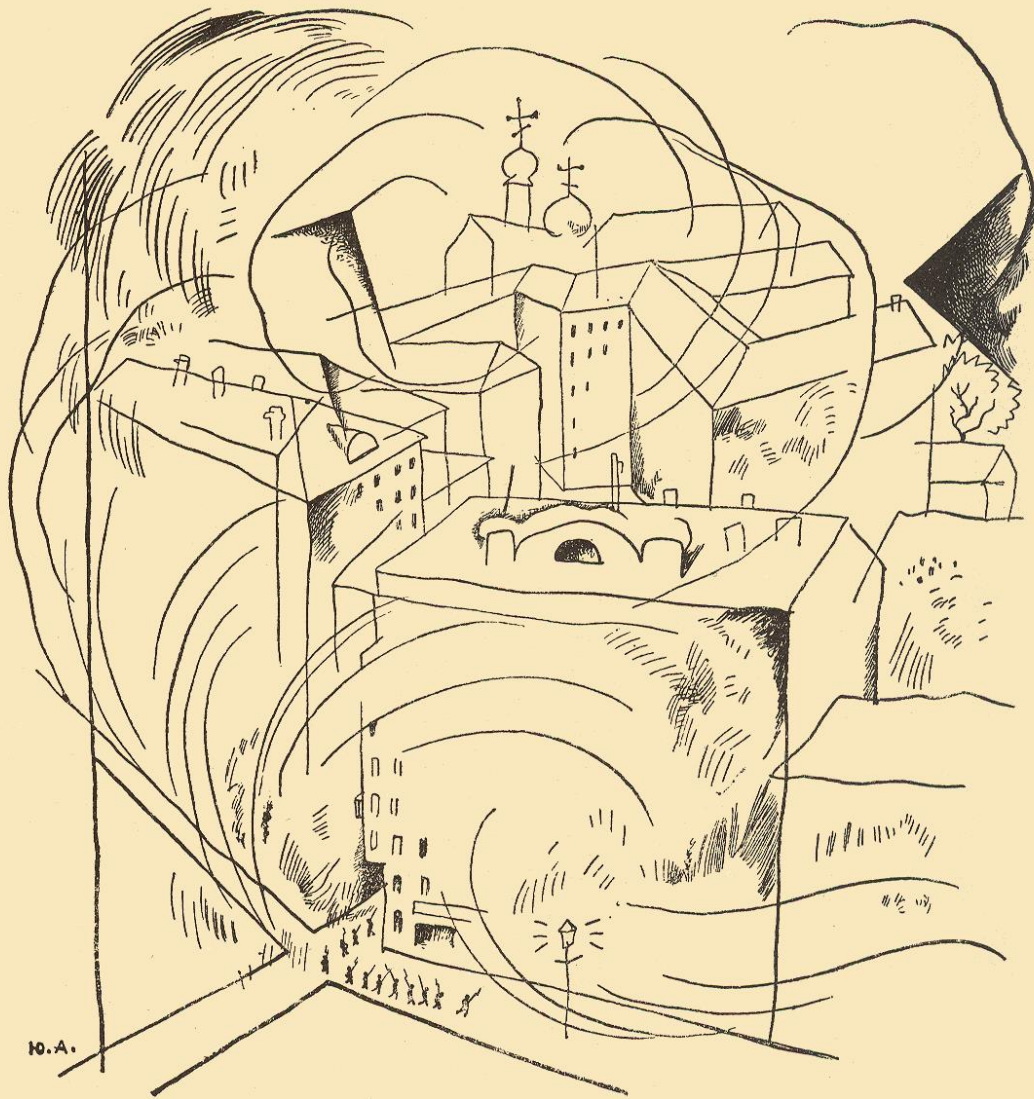
Стоит буржуй на перекрестке
 И в воротник упрятал нос.
 А рядом жметесь шерстью жёсткой
 Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
 Стоит безмолвный, как вопрос.
 И старый мир, как пес безродный,
 Стоит за ним, поджавши хвост.

One cannot hear the city's din,
 Silence reigns o'er Nevsky's tower,
 There are no more policemen now,
 So frolic, friends, though there's no wine!

The bourgeois stands here at the crossroads
 With nose tucked into his coat collar.
 A coarse-haired, mangy dog beside him
 Cringes, its tail between its legs.

The bourgeois stands, like a hungry dog,
 Wordless he stands, like a question mark.
 And the old world stands, like a mongrel dog,
 Right behind him, its tail between its legs.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
 Ой, вьюга́, ой, вьюга́!
 Не видать совсем друг друга
 За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
 Снег столбушкой поднялся. . .

– Ох, пурга какая, спасе!
 – Петька! Эй, не завирайся!
 От чего тебя упас
 Золотой иконостас?
 Бессознательный ты, право,
 Рассуди, подумай здраво –
 Али руки не в крови
 Из-за Катькиной любви?
 – Шаг держи революционный!
 Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
 Рабочий народ!

10

The blizzard has increased its fury,
 Such a blizzard, such a blizzard!
 Impossible to see each other
 Even four short steps away!

The snow has swirled into a funnel,
 The snow has risen in a column . . .

“What a snowstorm, Savior help us!”
 “Pet’ka! Hey, cut out that babbling!
 Did the golden icon screen
 Ever save you from a thing?
 Completely unaware you are,
 Think about it, work it out -
 Both your hands are bloody, aren’t they,
 On account of Kat’ka’s love?”
 “Hold to the revolutionary pace!
 The tireless enemy is near!”

Forward, forward, forward,
 Working people!

11

. . . И идут без имени святого
 Все двенадцать – вдаль.
 Ко всему готовы,
 Ничего не жаль. . .

Их винтовочки стальные
 На незримого врага. . .
 В переулки глухие,
 Где одна пылит пурга. . .
 Да в сугробы пуховые -
 Не утянешь сапога. . .

В очи бьется
 Красный флаг.

Раздается
 Мерный шаг.

Вот – проснется
 Лютый враг. . .

И вьюга́ пылит им в очи
 Дни и ночи
 Напролет. . .

Вперед, вперед,
 Рабочий народ!

11

. . . Without the holy name's protection
 The twelve go marching on.
 Ready for anything,
 Regretting nothing . . .

Their steel rifles now are aimed
 At the foe invisible . . .
 In the dead-end alleys where
 Only the snowstorm swirls its dust . . .
 And the feather-soft snowbanks
 Grab your boot and won't let go . . .

Their red flag strikes
 The watchful eye.

One can hear
 Their measured pace.

Soon will wake
 The mortal foe . . .

And the blizzard dusts their eyes
 Days and nights
 Without reprieve . . .

Forward, forward,
 Working people!

12

. . . Вдаль идут державным шагом. . .

– Кто еще там? Выходи!

Это – ветер с красным флагом

Разыгрался впереди. . .

Впереди - сугроб холодный,

– Кто в сугробе – выходи! . .

Только нищий пес голодный

Ковыляет позади. . .

– Отвяжись ты, шелудивый,

Я штыком пощечочу!

Старый мир, как пес паршивый,

Провались – поколочу!

. . . Скалит зубы – волк голодный -

Хвост поджал – не отстает -

Пес холодный – пес безродный. . .

– Эй, откликнись, кто идет?

– Кто там машет красным флагом?

– Приглядишься-ка, эка тьма!

– Кто там ходит беглым шагом,

Хоронясь за все дома?

– Все равно, тебя добуду,

Лучше сдайся мне живьем!

– Эй, товарищ, будет худо,

Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! – И только эхо

Откликается в домах. . .

Только вьюга долгим смехом

Заливается в снегах. . .

Трах-тах-тах!

Трах-тах-тах. . .

. . . Так идут державным шагом,

Позади – голодный пес,

Впереди – с кровавым флагом,

И за вьюгой невидим,

И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,

Снежной россыпью жемчужной,

12

. . . Off they go with martial pace . . .

“Who is it there? You come on out!”

But it’s just the wind that’s playing

With the red flag up ahead . . .

Up ahead there’s a frozen snowbank,

“You, in the snowbank – come on out! . .”

Only the dog, beggared and hungry,

Hobbles along behind them still.

“Beat it, you mangy cur, or else

My bayonet will tickle you!

Vanish, old world - or else I’ll stick you

Like that mangy, lousy dog.”

. . . It shows its fangs -- a hungry wolf -

Tail tucked in, it sticks close by -

The dog is cold – the dog’s a mongrel . . .

“Hey, give answer, who goes there?”

“Who now waves the bright red flag?”

“Oh just look, how dark it is!”

“Who is walking with quickened pace,

Hiding behind the buildings there?”

“All the same, I’m going to get you,

Come on now – give yourself up!”

“Listen, comrade, this won’t end well,

Come on out, before we shoot!”

Rat-a-tat-tat! Only the echo

Bounces round the buildings there . . .

Only the blizzard, laughing, laughing,

Roaring with laughter in the snows . . .

Rat-a-tat-tat!

Rat-a-tat-tat . . .

. . . And so they keep a martial pace,

Behind them follows the hungry dog,

Ahead of them – with bloody banner,

Unseen within the blizzard’s swirl,

Safe from any bullet’s harm,

With gentle step, above the storm,

In the scattered, pearl-like snow,

В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

(Январь 1918)

Crowned with a wreath of roses white,
Ahead of them – goes Jesus Christ.

(January 1918)